

Живало-бывало, — жил дед да с другой женой. У деда была дочка, и у бабы была дочка.

Все знают, как за мачехой жить: перевернёшься бита и недовернёшься — бита. А родная дочь что ни сделает — за всё гладят по головке: умница.

Падчернца и скотнну поила-кормила, дрова и воду в избу носила, печь топила, нзбу мела — ещё до свету... Ничем старухе не угодишь — всё не так, всё худо.

Ветер хоть пошумит, да затихнет, а старая баба расходится— не скоро уймётся. Вот мачеха и придумала падчерицу со свету сжить.

— Вези, вези её, старик, - говорит мужу, - куда хо-

чешь, чтобы мон глаза её не видали! Вези её в лес, на трескучий мороз.

Старик затужил, заплакал, однако делать нечего, бабы не переспорищь. Запряг лошадь:

- Садись, мила дочь, в сани.

Повёз бездомную в лес, свалил в сугроб под большую ель и уехал.

Девушка сидит под елью, дрожит, саноб её пробирает. Вдруг слышит — невдалеке Морозко по ёлкам потрескивает, с ёлки на ёлку поскакивает, пощёлкивает. Очутился на той ели, под которой девица сидит, и сверху её спрашивает:

— Тепло ли тебе, девица?

Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко стал ниже спускаться, сильнее потрескивает, пошёлкивает:

Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?
 Она чуть дух переводит:

Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.
 Морозко ещё ниже спустился, пуще затрещал, сильнее

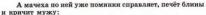
защёлкал:
— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

Тепло ли тебе, лапушка? Девица окостеневать стала, чуть-чуть языком шевелит:

— Ой, тепло, голубчик Морозушко!

Тут Морозко сжалился над девицей, окутал её тёплыми шубами, огогрел пуховыми одеялами.

— Ступай, старик, вези свою дочь хоронить!

Поехал старик в лес, доезжает до того места — под большою елью сидит его дочь, весёлая, румяная, в собольей шубе, вся в золоте, в серебре, и около — короб с богатыми подарками.

Старик обрадовался, положил всё добро в сани, посадил дочь, повёз домой.

А дома старука печёт блинцы, а собачка под столом:

— Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а

старухину замуж не берут.

Старуха бросит ей блин:

 Не так тявкаешь! Говори: «Старухину дочь замуж берут, а стариковой дочери косточки везут...»

Собака съест блин и опять:

 Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха блины ей кидала и била её, собачка— всё своё...

Вдруг заскрипели ворота, отворилась дверь, в избу идёт падчерица— в злате-серебре, так и сияет. А за ней несут короб высокий, тяжёлый. Старуха глянула— и руки врозь...

 Запрягай, старик, другую лошадь? Вези, вези мою дочь в лес да посади на то же место...

Старик посадил старухину дочь в сани, повёз её в лес на то же место, вывалил в сугроб под высокой елью и уехал.

Старухина дочь сидит, зубами стучит.

А Морозко по лесу потрескивает, с ёлки на ёлку поскакивает, пощёлкивает, на старухину дочь поглядывает:

- Тепло ли тебе, девица?
- А она ему:
- Ой, студёно! Не скрипи, не трещи, Морозко...

Морозко стал ниже спускаться, пуще потрескивать, пошёлкивять.

- Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная? - Ой, руки, ноги отмёрзли! Уйди, Морозко...
- Ещё ниже спустился Морозко, сильнее приударил, затрешал, защёлкал:
- Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?
- Ой, совсем застудил! Сгинь, пропади, проклятый Морозко!

Рассердился Морозко да так хватил, что старухина дочь окостенела.

Чуть свет старуха посылает мужа:

— Запрягай скорее, старик, поезжай за дочерью, привези её в злате-серебре...

Старик уехал. А собачка под столом:

— Тяф, тяф! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной дочери в мешке косточки везут. Старуха кинула ей пирог:

— Не так тявкаешь! Скажи: «Старухину дочь в злате-серебре везут...»

А собачка — всё своё:

 Тяф. тяф! Старухиной дочери в мешке косточки везут...

Заскрипели ворота, старуха кинулась встречать дочь. Рогожу отвернула, а дочь лежит в санях мёртвая.

Заголосила старуха, да поздно.

